

Н И К О Л А Й
Л Е Й К И Н

Р О Ж Д Е С Т В Е Н С К И Е
Р А С С К А З Ы

RUGRAM

Москва
2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л42

Лейкин Н. А.

Л42 Рождественские рассказы / Н. А. Лейкин. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 98 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72942-0

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Александровича Лейкина «Рождественские рассказы».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72942-0

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Н. А. Лейкинъ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Въ департаментѣ.—Передъ Рождествомъ.—Въ Рождественское утро.—
Никитка и Калистратъ. — Настино горе.—Разбитыя мечты.—Коньки.—
Рождественскіе подарки получили.—
Въ Рождество.—Ряженые.—На святкахъ.—Записки рождественской елки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». 2-я Рождественская ул., д. № 7.
1901.

Въ департаментѣ.

В два дня до Рождества чиновники N-го департамента, получивъ награду, окончательно потеряли способность заниматься дѣломъ. На столахъ были разложены бумаги, дѣла въ синихъ обложкахъ, но никто за работу не присаживался. Началось усиленное куреніе папиросъ, хожденіе изъ одного отдѣленія въ другое, разговоры о гусѣ, о поросенкѣ, о ветчинѣ, о елкѣ, о дѣтскихъ игрушкахъ, о подаркахъ вообще и разныхъ праздничныхъ приготовленіяхъ. Даже столь любимое занятіе на службѣ, какъ чтеніе газетъ, и то было оставлено на этотъ разъ. Въ счетномъ отдѣленіи даже книги лежали открытыми кверху ногами. Всѣ ждали, когда уйдетъ директоръ, чтобы разбѣжаться, но директоръ, какъ на зло, не уходилъ. Сидѣли и начальники отдѣленій по своимъ мѣстамъ, но дѣлами также не занимались, а кто составлялъ для себя смѣту домашнихъ праздничныхъ расходовъ, кто писалъ карандашомъ реестръ праздничныхъ подарковъ и предметовъ нужныхъ по хозяйству.

Вотъ въ отдѣленіе входитъ бакенбардистъ съ просѣдью въ волосахъ, останавливается передъ окномъ и смотритъ на градусникъ.

— Хорошо, кабы такой морозъ на Рождествѣ постоялъ. Можно-бы съѣздить прокатиться на тройкѣ въ загородный ресторанъ.

— Михаилъ Павлычъ, не ушелъ еще нашъ Вельзевулъ?—слышится отъ стола, около котораго лысый бородачъ въ очкахъ покуриваетъ папирску.

— Директоръ-то?—откликается бакенбардистъ.— Сидить еще, и долго просидить. Сейчасъ потребовалъ дѣло изъ второго отдѣленія. Каракулевъ снесъ ему, но по ошибкѣ засунулъ туда списокъ покупокъ, который ему дома жена составила. Каракулевъ разсматривалъ его, заторопился, заторопился и думаетъ, что сунулъ въ дѣло, потому что списка у него нѣтъ.

— Это ничего. Это даже хорошо. Нашъ по крайней мѣрѣ узнаетъ списокъ нуждъ чиновниковъ. И чего онъ сидитъ!—вздыхаетъ молодой чиновникъ съ бородкой Генриха Четвертаго.

— Вдовый чиновникъ, оттого и сидитъ. Вдовый и бездѣтный. Что ему домъ? Отсюда, поди, поѣдетъ въ сельско-хозяйственный клубъ обѣдать. А здѣсь, если вотъ тебѣ надавали изъ дома порученій по самую макушку, да еще просили, исполнивъ эти порученія, пораньше прійти обѣдать, такъ поневолѣ будешь торопиться скорѣй убѣжать изъ нашего чистилища. Я вотъ теперь стою и думаю: какъ это я все успѣю сдѣлать къ шести часамъ вечера? Долше ужъ я не могу заставлятъ моихъ домашнихъ ждать меня къ обѣду, — произноситъ лысый бородачъ.

— Нѣтъ, я все это женѣ поручилъ,—доносится отъ другого стола.—Съ моей стороны только развѣ ей и ребятишкамъ подарки...

— А у моей жены флюсь, второй день у ней щеку раздуваетъ. Она винную ягоду, въ молокъ сваренную, за щекой держитъ, такъ какія тутъ за-
купки! До закупокъ-ли! Просила меня окорокъ вет-
чины купить, гуся, поросенка, елку ребятишкамъ,
игрушки...

— Ого-го! И все это сегодня?

— Да завтра-то когда-же?... Завтра ужъ сочель-
никъ... Завтра надо ужъ запекать окорокъ, а не
покупать его, изъ поросенка заливное дѣлать, елку
украшать.

— Да, да... Дѣйствительно... Такъ что-же вы?
Убирайте бумаги и уходите, — говоритъ американ-
ская борода съ бритыми усами.

— Неловко. А вдругъ онъ разлакомится и какое-
нибудь еще дѣло потребуеъ для просмотра, а дѣло
это окажется въ моемъ столѣ. — „Гдѣ Петръ Ива-
нычъ?—Ушелъ“. Неловко тогда будетъ.

— Помощникъ ваиъ подастъ дѣло.

— Ну, все-таки, неловко. Вѣдь вы вотъ тоже не
уходите, а я по лицу вижу, что и вамъ также нужно
уйти, какъ и мнѣ.

— Да нужно - то нужно, что говорить! Нужно
купить женѣ на платьѣ—вотъ что нужно. Ну, ду-
ховъ, одеколону... Потомъ ужъ я и себѣ собрался
преподнести на елку золотыя очки. А вѣдь вамъ,
видите, и окорокъ, и гуся, и поросенка. Это со-
всѣмъ особъ-статья. Вы и окорокъ дома запекаете
или варите?

— Запекаемъ. Жена не любитъ вареной вет-
чины.

— Ахъ, напрасно! Вареная ветчина — это бла-
женство. Вся Москва ѣстъ по трактирамъ вареную

ветчину, а ужъ москвичи насчетъ ветчины зна-
токи.

— Жена не любить. Что-жъ вы подѣлаете, если она не любить! Вотъ поросенка мы варимъ и дѣ-
лаемъ заливное.

— А я поросенка люблю только жаренаго, только съ кашей, но при этомъ чтобъ каша представляла изъ себя фаршъ съ лукомъ, съ перцемъ и съ рубленными грибами. Да утробу-то эту начинить хорошененько, а кашу прожарить, лукъ истомить. Боже-
ственно!

Лысый бородачъ началъ причмокивать.

— У насъ гусь, чиненный кашей, будетъ въ пер-
вый день Рождества къ обѣду, — сообщил бакен-
бардистъ.

— А вотъ, по-моему, гусь долженъ быть непре-
мѣнно съ капустой, а то такъ съ яблоками. И гуся я непременно люблю такъ, чтобы онъ былъ распаренъ. У меня дома какъ дѣлають гуся? Пожарять, пожарять его на противнѣ, а потомъ въ котелъ, обмазанный масломъ, крышкой прикрыть и жарить, и парить. Тутъ и кислая капуста, которая у него въ брюхѣ распарится, и онъ самъ. И гуся этого до того нужно распарить, что вотъ, напримѣръ, за кость ноги его взялъ, а мясо съ кости съ него какъ чулокъ слѣзло-бы. Вотъ это гусь? Это называется— по-польски. Жену въ Западномъ краѣ научили такъ готовить, когда она къ матери гостить ѣздила. Попробуйте такъ у себя дома.

— У меня жена ничего не любитъ паренаго.

— Ну, значить, она ничего хорошаго не любитъ. Индѣйка — вотъ эта птица пареной невкусна. А ветчину какую покупаете?

— Да обыкновенную.

— То-есть, гдѣ собственно? У нѣмца, у поляка или у русскаго? Въ какой колбасной?

— Просто въ обыкновенной мясной лавкѣ, на Сѣнной.

— Въ простой мясной лавкѣ?

— Да, да, да...

— Ну, это не ветчина. Надо у нѣмцевъ въ колбасной лавкѣ покупать. Тогда у васъ будетъ настоящая ветчина. Свинство — это дѣло нѣмецкое, нѣмцы на немъ собаку съѣли. Я не люблю нѣмцевъ, но за ветчину и всякое колбасное свинство передъ ними преклоняюсь. А на Сѣнной, развѣ это ветчина!

— А то что-же?

— Да такъ... Неизвѣстно что. Сильно прокопченая и просоленная нога борова, твердая, жилистая. На Сѣнной окорокъ покупать! Ну, батенька, вы не гурманъ. Гуся и поросенка вы можете покупать и на Сѣнной, это я допускаю, но окорокъ — ни-ни...

— Я даже думаю купить вмѣсто гуся-то хорошаго индюка.

— Индюка? Прекрасно, прекрасно, но индюкъ вамъ гуся не замѣнитъ.

— Знаю. Но у меня дѣти. Боюсь, какъ-бы гусь слишкомъ жиренъ не былъ. Индюкъ все-таки...

— Гусь... Жиренъ... Да гдѣ вы нынче жирнаго гуся найдете? Ихъ нѣтъ. Нынче вездѣ мужицкій сухой гусь, а ужъ прежняго помѣщичьяго гуся нѣтъ. Позвольте... Ну, а какъ у васъ индюка готовятъ?

— Да просто изжарять.

— Съ чѣмъ? Съ чѣмъ подадутъ-то?

— Ну, съ картофелемъ. Потомъ къ нему соленые огурцы.

— Это, батюшка, значить портить добро. Кто-же индюка съ картофелемъ ѣсть! Вы, пожалуй, еще съ тертымъ... Съ каштанами индюка надо кушать, непременно съ каштанами. А вмѣсто огурцовъ—англійскія пикули, что вотъ возьмешь, а проглотить и не можешь, до того у тебя весь ротъ спалить.

— Такъ что-же тутъ хорошаго, если проглотить не можете?—улыбнулся бакенбардистъ.

— Эффектъ, вкусовой эффектъ. Потомъ проглотите и спасибо скажите. Но вотъ первый-то моментъ... А потомъ вамъ вкусъ освѣжить. Почувствуете эдакую встряску организма... А проглотили—и сейчасъ у васъ изъ глазъ слезы... Ну, тутъ сейчасъ кусокъ индѣйки въ ротъ, затѣмъ каштанъ въ ротъ и почувствуете неизъяснимое блаженство. Попробуйте такъ поѣсть и во вѣкъ съ этимъ блюдомъ не разстанетесь.

— Ну, я не гурманъ. Я такой тонкости въ ѣдѣ не понимаю. Мнѣ и такъ вкусно,—сказалъ бакенбардистъ и прибавилъ:—Однако я пойду закупать провизію. Скоро три... Авось, онъ меня сегодня не спроситъ. Прощайте.

— Прощайте. А гуся и индѣйку попробуйте по моему рецепту. Распарить гуся такъ, чтобы съ ноги мясо какъ чулокъ снималось. Помните, какъ чулокъ...

Бородачъ протянулъ сослуживцу руку. Тотъ сталъ уходить. Вдругъ на встрѣчу ему вбѣжалъ жиденькій чиновникъ съ капулемъ на лбу и возгласилъ: